

Одиночка на облаке

Юрий Кувалдин: «Работа ассоциируется в России только с лопатой»

Юрий Кувалдин – писатель резкий, страстный, человек дела, бури и натиска. Хочет подмять под себя всю русскую литературу, для чего создал издательство и журнал. Журнал выходит каждый месяц, печатает писателей, в основном провинциальных и не слишком известных.

– Юрий Александрович, жизнь и литература – это для вас неразделимые понятия, одно и то же?

– Вся моя жизнь посвящена литературе, я работаю, как вол, поэтому иногда с иронией гляжу на пьяньских поэтов, которые, тунеядствуя, имея пару тоненьких стихотворных брошюр на скрепках, хотят попасть в вечность. Литературу делают волы, и я считаю себя волком. Я не только много пишу, не только издаю свой журнал и книги разных авторов, но, естественно, и очень много читаю, и классиков, и современных писателей... За последние пять лет, с момента основания моего журнала «Наша улица», я, кроме всего прочего, прочитал около 700 новых авторов, 99 процентов из которых никому не известны, и напечатал в 60 но-

мерах журнала более 300 авторов. Человеческие отношения проходят, литература остается. Для меня нет ничего выше литературы, потому что литература включает в себя и религию, и философию, и искусство, и мораль, и жизнь, и все остальное без исключений. Слово создало жизнь, Слово управляет жизнью, потому что Слово есть Бог. Если человек не запечатлел себя в Слове, в литературе, то он и не жил.

– Кого вы больше всего цените из классиков?

Если человек не запечатлел себя в Слове, в литературе, то он и не жил

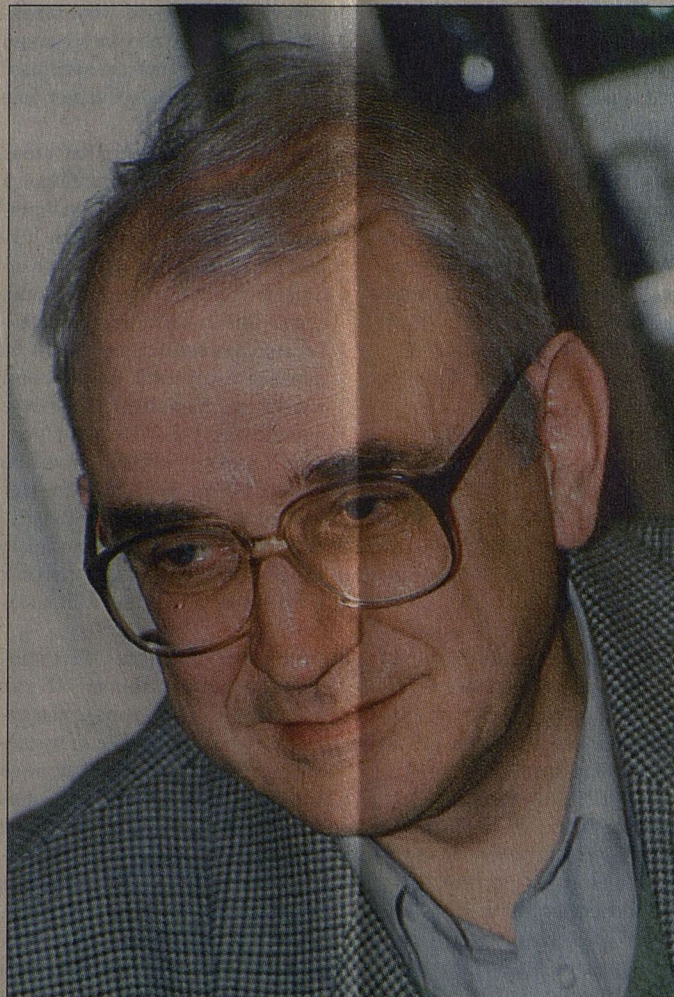
– Достоевского и Чехова. Встать на одну полку с ними и таким образом войти в Божественную метафизическую программу и в Бессмертие – это самая высокая мечта и цель, к которой должен стремиться каждый настоящий писатель.

– Юрий Александрович, а как вы начинали?

– В 70-х годах я участвовал в совещании молодых литераторов, организованном ЦК ВЛКСМ. Участников там было так много, что мы с Женей Блажеевым от скуки ушли оттуда, взяли бутылку и хорошо поговорили о литературе в столовой общепита. От того совещания из поэтов и прозаиков не осталось никого в литературе – может быть, они живут где-то в жизни, чтобы бесследно исчезнуть с лица земли. Когда возобновилось издание журнала «Литературная учеба», мы оба

опубликовались там со своими стихами. В 1994 году я издал его книгу стихов «Лицом к погоне». Блажеевский писал очень мало. На новую книгу стихов у него не набиралось, и он мне сдал расклейку своей старой книги плюс сколько-то новых вещей. Я попросил критика Станислава Рассадина написать о Жене.

НГ Ex libris (прил. к Независимой). — 2005. — 28 июля. — С. 1-2

Литературу делают волы.

Фото автора

Он написал. Потом были дефолты, развал издательского дела и смерть Жени в мае 1999 года. Конечно, трагический голос Евгения Блажеевского со временем, безусловно, станет одним из символов русской поэзии конца века. Его похоронили в Кунцево на Троекуровском кладбище. Но он жив и находится на подходе ко вхождению в большую литературу.

– Кто был вашим литературным наставником?

– Я удаляюсь во времени почти на 40 лет назад, вспоминаю Шаболовку, замечательного поэта Аркадия Акимовича Штейнберга, который был переводчиком «Потерянного рая» Джона Мильтона. Все называли Штейнберга просто Акимычем. У него на Шаболовке я и мои товарищи проходили свои домашние литературные университеты, читали самиздат. Я знал Акимыча года с 1968-го. Он великий человек. Первотклассный поэт, великолепный переводчик, очень незаурядный человек, с удивительно интересной, сложной жизнью. Он не раз сидел за решеткой. Он был подполковником СМЕРШа, был заместителем коменданта Бухареста во время войны, где его арестовали. **ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2**

Одиночка на облаке

282

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

Он отсидел несколько лет. С высоты наших дней виден путь, который тогда мне, почти 40 лет назад, не был виден. Тогда было время стихов, многие мои товарищи по перу писали прекрасные стихи, читали их за столом у Акимыча. А я читал свои рассказы и «Улицу Мандельштама», где и Акимыч был выведен как персонаж. У него дома было все просто. Черный хлеб, соленые огурцы, граненые стаканчики. А кто-нибудь из нас притаскивал туда и многослойную фанеру, как мы называли тогда самый дешевый вафельный торт «Сюрприз». У Акимыча был огромный черный ньюфаундленд Фома, который всех обнюхивал, и кошки, черные, рыжие, белые, пестрые, полосатые, прыгали со стола на подоконник, со шкафа на диван... Да, у Акимыча всегда были кошки и собаки. И полный дом друзей, в основном писателей и поэтов, юных и старых, зрелых и маститых, безвестных и знаменитых...

– Вас очень ценил критик Владимир Лакшин... Он говорил вам: вы – гениально пишете, но именно поэтому вас никогда и не напечатать... Потому что в редакциях сидят в основном посредственные или подневольные люди и они не смогут оценить то, что вы пишете, а если и оценят, то побоятся печатать это, если не получат указаний сверху.

– Лакшин был заместителем главного редактора «Нового мира» Твардовского, потом заместителем главного редактора «Знамени», потом главным редактором «Иностранной литературы». Лакшина я впервые прочитал в 17 с небольшим лет, в первом номере «Нового мира» в 1964 году, его статью «Иван Денисович, его друзья и недруги». Лакшин писал, что Солженицын делает так, что мы узнаем жизнь зека не со стороны, а изнутри... Потом я познакомился с самим критиком. Знал его довольно-таки близко, бывал у него дома, встречался с ним в Коктебеле, в редакциях...

– Вы напечатали «Дневник» Юрия Нагибина незадолго до его смерти...

– Да, мне выпала карта – быть первым читателем и издателем «Дневника» Юрия Марковича Нагибина. Он тогда жил на даче, в писательском поселке Красная Пахра. В большом каменном доме, который он построил

на свои собственные деньги, среди парка из высоких елей и берез, за добротным коричневым забором. В доме были антикварная мебель, камин, письменный стол размером с двуспальную кровать, фундаментальная лестница на второй этаж. Но сам хозяин был прост в одежде и в поведении. Я приехал к нему в 1994 году, весной. Это была его последняя весна, о чем он еще не знал. Он дал мне свой «Дневник» для печати – кучу материалов, папки, тетради, ксерокопии, машинопись, бумаги «от руки». Сказал мне: «Я здесь расстегнут на все пуговицы». Мы вместе с ним гото-

И только в ней он адекватен самому себе. Он встал с нею в ряд лучших русских писателей, которые не продавали свое вдохновение, поэтому и рукописи не продавали советскому режиму: Мандельштам, Платонов, Булгаков, Солженицын, Некрасов, Галич, Владимов и т.д. Нагибин умер, не дождавшись ее, через две недели после того, как мы подготовили ее к печати. Умер он тихо: прилег с книгой на диван и задремал. Я ходил хоронить его в Дом кино. И я один знал, какого писателя мы хороним. С Нагибиным кончилась советская эпоха в литературе.

Чтобы стать известным, писателю требуется полжизни работать на свое имя, чтобы потом имя работало на него

вили тексты для печати. Юрий Маркович говорил о себе: «Ну вот, дожил! При жизни увижу свой «Дневник»...» Он не увидел его.

Как писатель Нагибин всю жизнь балансировал на грани диссидентства и правоверности. Ему хотелось и быть знаменитым писателем, литературной звездой, и иметь разные награды и регалии, и носить «мундир с золотыми погонами» генерала («с восемью звездами», как писал Маркес), и получать большие гонорары за свои книги (он писал их на вынос, ради денег), и в то же время писать правду, не быть советской номенклатурой. Он был трудным в быту человеком, одержимым по части любви к женщинам и по поднятию стаканов, у него было пять жен, Маша, Валья, Лена, Ада, Гела (Белла Ахмадулина) и еще больше любовниц, в которых он весь запутался и которых он упоминает в своем дневнике. Ему все время хотелось взяться за настоящую прозу, за свою самую главную книгу. И такой прозой и такой – главной и лучшей его – книгой стал его дневник, который он писал в свободное от другой работы время, для души. Это гениальная книга! Высокохудожественная, предельно искренняя и предельно откровенная.

– Вы – коренной москвич, горожанин, урбанист. Интеллектуальный и интеллигентный писатель, как сказал о вас Фазиль Искандер. Что вы скажете вообще о писателях-почвенниках или деревенщиках...

– Они отличаются знанием деревенской жизни и связанных с ней проблем. Но им, как правило, не хватает культурной базы, просвещенности в культурных областях. Конечно, ни один русский писатель не может пройти мимо деревенских проблем, поскольку Россия – страна деревенская. Хотя в ней есть личности высочайшего интеллектуального полета: Чехов, Платонов, Достоевский, Нагибин, Булгаков, Гоголь, Толстой Лев... Деревенские же писатели, как правило, достаточно ограничены и решают некоторые вопросы прямолинейно, а прямо идти на предмет и решать вопросы прямолинейно – значит не быть художником, а быть членом партии, то есть человеком узких взглядов.

– Как стать известным писателем? Сейчас это труднее или проще, чем раньше? Или это все – индивидуально, как и раньше, для кого как?

– Не секрет, что читатель у нас, как правило, ориентируется на известные имена. Чтобы стать

известным, писателю требуется полжизни работать на свое имя, чтобы потом имя работало на него. Вот тут и возникает определенное противоречие. Без имени даже талантливую вещь продвинуть в печать очень трудно. Прежде, в советское время, по-настоящему талантливое произведение, особенно если в нем было что-то остросоциальное или политическое, раскручивалось довольно быстро, тем более, в таком закрытом обществе, каковым было наше советское, в котором на свободное слово как таковое был наложен запрет. Художественная литература легко путалась с политическим манифестом. Все, что шло против КПСС (читай – против всей власти в СССР), вызывало пристальный интерес у читателей и, естественно, у КГБ. И если какое-то произведение вызывало особый интерес у КГБ, стало быть, этому произведению и его автору была обеспечена известность. С падением СССР (теперь уже ясно, что страна, построенная на запрете свободного движения Логоса, обречена на гибель) умерла и политическая литература. И, с другой стороны, набирают обороты, если так можно выразиться, настоящие художники и писатели-философы, такие, например, как Пришвин и Астафьев...

– И Кувалдин?

– И другие...

Беседовала
Нина Краснова

Досье НГ-EL

Юрий Александрович Кувалдин – писатель, основатель издательства «Книжный сад» и журнала современной русской литературы «Наша улица». Родился 19 ноября 1946 года в Москве. Принадлежит к «потерянному поколению». В литературу вошел в конце 80-х годов. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Юность», «Литературная учеба», «Континент», «Грани», «Стрелец», «Время и мы», «Наша улица». Автор книг «Улица Мандельштама» («Московский рабочий», 1989), «Философия печали» («Новелла», 1990), «Избушка на елке» («Советский писатель», 1993), «Так говорил Заратустра» («Книжный сад», 1994), «Кувалдин-критик» («Книжный сад», 2003), «Родина» («Книжный сад», 2004) и др. Выпустил более сотни книг разных авторов общим тиражом 15 миллионов экземпляров.